


DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561

Научная статья

Судебная практика в правовой реальности России: опыт комплексного исследования

А.В. Скоробогатов¹, А.В. Краснов²¹Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
г. Казань, Российская Федерация²Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация
av.skorobogatov@mail.ru

Аннотация. Исследуется правовая природа судебной практики в контексте правовой реальности через призму феноменологического и аксиологического анализа. Цель — формирование научно обоснованных знаний о месте и роли судебной практики в правовой реальности. Методология основана на комплексном использовании постклассической методологии: в частности, интегративный подход позволяет сочетать в содержании данной категории как деятельность судов по осуществлению правосудия, так и накопленный опыт. Результаты: Судебная практика анализируется в работе как часть социальной и юридической практики. Она демонстрирует единство познания, деятельности и результата. Судебная практика способствует формированию единых правил толкования, реализации юридических норм и формулирования на этой базе решений в однотипных фактических ситуациях, что повышает единообразие в понимании норм, определенность их содержания. Обеспечивается корреляция обыденного, профессионального и доктринального правопонимания, а также сближение социальных ожиданий и судебных актов, легитимирующее законодательство и саму судебную практику. Выводы: судебная практика охватывает деятельность судебных органов по осуществлению правосудия, взятую в разных значениях — деятельностном, организационном, логико-интеллектуальном, формально-юридическом, в сочетании с соответствующими обобщениями опыта такой деятельности. Благодаря ей обеспечивается система обратной связи между юридическими нормами и индивидуальными актами, что проявляется в фактическом формировании моделей толкования и реализации норм, а в конечном итоге ведет к совершенствованию законодательства. Судебная практика тем самым гармонизирует правовую реальность, обеспечивая сближение ценностных ориентаций адресатов и адресантов правовой коммуникации.

Ключевые слова: судебная практика, правовая реальность, постклассическая методология, интегративное правопонимание, правовая коммуникация, юридическая норма, реализация права, толкование права

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: нераздельное соавторство.

Дата поступления в редакцию: 18 января 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 июня 2021 г.

© Скоробогатов А.В., Краснов А.В., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Судебная практика в правовой реальности России: опыт комплексного исследования // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 545—561. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561


Research Article

Judicial practice in the law reality of Russia: experience of a comprehensive research

Andrey V. Skorobogatov¹  , **Alexandr V. Krasnov²** 

¹Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova (IEML)
Kazan, Russian Federation

²Kazan branch of the Russian State University of Justice
Kazan, Russian Federation

 av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. The legal nature of judicial practice in the context of legal reality is investigated through prism of phenomenological and axiological analysis. The purpose of the research is to form scientifically proved knowledge of the place and judicial practice role in the legal reality. Methodology is based on complex use of postclassical methods of investigation: integrative approach allows combining within the category both activity of courts on ensuring justice and gained experience. The findings are as follows. Judicial practice is analyzed as a part of social and legal practice. It shows organic unity of knowledge, activity and result. Judicial practice promotes formation of uniform rules of interpretation, formulation of legal norms and decision making in similar situations/cases that removes ambiguity in understanding of norms and clarity of their content. Correlation of ordinary, professional and doctrinal understanding of law as well as rapprochement of social expectations and judicial consciousness, which provide legitimacy to legislation and judiciary practice, is ensured. Conclusions are as follows. Judicial practice covers activity of judicial bodies in administering justice, taking in different values — pragmatist, organizational, logic-intellectual, and formal-legal in a combination of experience generalizations. Due to this, the feedback system between legal norms and individual acts that is reflected in actual formation of models of interpretation and realization of norms, and finally leads to refining legislation is ensured. Judicial practice, thereby, harmonizes legal reality, providing rapprochement of valuable orientations of addressees and senders of law communication.

Key words: judicial practice, legal reality, postclassical methodology, integrative understanding of law, law communication, legal norm, formulation of law, legal interpretation

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

The participation of the authors: inseparable co-authorship.

Article received 18th January 2021

Article accepted 15th July 2021

For citation:

Skorobogatov, A.V., Krasnov, A.V. (2021) Judicial practice in the law reality of Russia: experience of a comprehensive research. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 545—561. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561

Введение

Изучение судебной практики — одно из исследовательских направлений, традиционных как для отечественной, так для зарубежной правовой науки. Это обусловлено комплексом обстоятельств юридического и социального характера: ролью и местом судебных органов в генезисе и дальнейшем функционировании государственного аппарата и государства в целом; особыми задачами судебной практики — от защиты главным образом правящей элиты на ранних этапах функционирования государства до защиты прав и интересов всех субъектов правоотношений, разрешению юридических конфликтов в современном правовом государстве; направленностью судебной деятельности и соответственно судебной практики в первую очередь на применение права, что в континентальной европейской традиции означает особую форму реализации общей и абстрактной нормы права к индивидуальной ситуации и индивидуальным субъектам и проч. (De Somer, 2019:2—3).

Актуальность тематики исследования судебной практики предопределяется также задачами современной юриспруденции, призванной адекватно объяснить правовую реальность и место в ней человека. Судебная практика при этом выступает не только в качестве объекта исследования, но и субъектом конструирования (Berger & Luckmann, 1991:136) самой правовой реальности.

Необходимо также учитывать, что судебная практика развивается и функционирует не только в правовой, но и социальной реальности, будучи в значительной степени опосредована внешними и внутренними факторами ее генезиса и эволюции. При этом судебная практика выступает как часть юридической практики. Это обуславливает, что наиболее целесообразно рассматривать судебную практику системно, с учетом не только правовой, но и социокультурной составляющей.

Понятие правовой (юридической) практики получило разработку в отечественном правоведении с 1960-х гг., в частности, в трудах И.Ю. Дюрягина (Duryagin, 1973:160), Ю.И. Гревцова, И.Ю. Козлихина (Grevtsov & Kozlikhin, 2008:219), которые правовую практику отождествляли с юридической деятельностью; С.С. Алексеева (Alekseev, 2009:254), С.И. Вильнянского (Vilnyansky, 1958:57), трактовавших правовую практику как некоторые итоги, результаты юридической деятельности; С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова (Bratus & Vengerov, 1975:73—74), В.Н. Карташова (Kartashov, 2010:22), осмысливавших ее как сочетание юридической деятельности с ее результатами, итогами.

В свою очередь, тематика, связанная непосредственно с судебной практикой, затрагивалась в работах С.И. Вильнянского (Vilnyansky, 1958:57, 60) (судебная практика рассматривается как совокупность всех судебных решений по конкретным делам), А.В. Мицкевича, А.С. Пиголкина, А.Ф. Шебанова (Mitskevich, 1974:135) (основные тенденции разрешения юридических дел

судами), А.К. Безиной (Bezina, 2012:70, 72), М.Н. Марченко (Marchenko, 2009:106), констатируя окончательное формирование так называемых широкого и узкого подходов к пониманию судебной практики, с приоритетом последнего. Проблематике отдельных компонентов судебной практики посвятили свои работы такие ученые, как С.В. Бошно (Boshno, 2005), П.А. Гук (Guk, 2012), В.В. Лазарев (Lazarev, 2003), И.А. Минникес (Minnikes, 2009) и др. Своеобразным итогом исследования судебной практики стала коллективная монография «Судебная практика в современной правовой системе России», в которой вопросы судебной практики, как целостного образования рассмотрены как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне (Khabrieva & Lazarev (eds.), 2017).

В зарубежной науке судебная практика преимущественно изучается на основе анализа и интерпретации роли судебного прецедента в развитии и функционировании правовой реальности (Wesley-Smith, 1996:65—80), хотя при этом исследовательский интерес не ограничен англо-американскими правовыми системами (Hellman, 2013:63), но и акцентирует внимание на практике судов европейских государств (MacCormick, Summers & Goodhart, 1997), а также прецедентном характере решений международных судов (Thirlway, 2019:131—132).

Исследование судебной практики осуществляется нами на основе интегративной методологии (Ershov, 2020:108—110, Krawietz, 2008:203), позволяющей изучить правовую природу судебной практики и комплексно проанализировать особенности ее воздействия на регулирование общественных отношений на основе диалектического синтеза различных методологических подходов к анализу содержания этого социального явления.

Судебная практика как вид юридической практики

Анализ понятия и содержания судебной практики и социокультурного контекста развития и функционирования правосудия обуславливает рассмотрение этого явления не как самостоятельной системы, а как одного из элементов юридической, а через нее социальной практики как сложноорганизованной социальной системы (Kartashov, 2010:19). По меткому замечанию И.Л. Честнова, «юридическая практика... — деятельность человека, в которой пересекаются (практически никогда не совпадают) интересы личностные и социальные, проявляющиеся во взаимных ожиданиях, в соотношении себя с социально значимым Другим» (Chestnov, 2012:166).

Наряду с системой права и правосознанием юридическая практика является одним из важнейших элементов правовой системы общества. Благодаря юридической практике становится возможным обеспечение гармонизации правовой реальности в целом.

Исходя из этого анализ и интерпретация судебной практики должны осуществляться в общем социальном контексте юридической (правовой) практики. При этом необходимо решить вопрос о сущности и содержании этой категории, определяемой ее названием, поскольку номинация диктует смысл понятия и обозначаемого им явления в сознании наблюдателя.

В философской науке категория практики вызывает интерес с периода Древнего Мира. Философская категория практики используется в нескольких

контекстах — и как противопоставление интеллектуально-инструментального разума умозрению, и как практический разум, сочетающий в себе волю и силу, и как некоторое отношение человека к окружающему миру в плане возможности его преобразования. Причем последняя модель в определенной степени была известна уже древнегреческой философской мысли, где в частности Аристотель рассматривал практику в телеологическом смысле (Gritsanov, 2002:709).

Христианство, в свою очередь, меняет отношение к человеческому труду и, соответственно, практике как к пути религиозного воспитания и достижения аскезы, что находится в русле креационизма, предполагающего сопричастность человека к исполнению творческой воли Божией (Vatin, Davidovich & Drach, 1997:167). Отметим, что в рамках протестантского учения практическая деятельность человека на любом профессиональном поприще начинает рассматриваться как богоугодное дело.

Период Нового времени и несколько ему предшествующий достаточно часто рассматриваются как эпоха зарождения науки в более или менее современном смысле слова. Именно на этом отрезке собственно и формируется классическая рациональность, в рамках которой, как известно, свойства субъекта, его предпочтения не учитываются при интерпретации результатов исследования того или иного объекта. Соответственно, практика все более рассматривается в технико-инструментальном смысле, как некое средство господства человека над природой; практика дает возможность истолкования природы происходящего вокруг (Васон, 1978:68). Выводы умственных рассуждений, по мнению Р. Декарта, наблюдаются на практике, которая подтверждает доводы разума (Descartes, 1994:482).

В немецкой классической философии категория практики также нашла определенное развитие. В частности, для И. Канта практика выступает как деятельность практического разума, сосредоточением которого является воля (Kant, 1965:326). Гегель, в свою очередь, рассматривает практику в контексте метаморфозы абсолютного духа, который идет по пути самопознания и самополагания, интерпретируя ее как одну из ступеней смыслополагания духа (Hegel, 1972:287). В то же время практика выводится им из этико-политической тематики в сферу реальной жизни, права, экономики.

Философия марксизма, в свою очередь, вводит практику в теорию познания, делая ее основным критерием истинности научного знания. Более того, практика — это эмпирический источник, основа научного знания. Что касается определения практики в философии марксизма, то оно формулируется через активную, чувственно-предметную материальную деятельность людей, направленную на преобразование окружающей действительности (Kokhanovsky, 1996:61).

Необходимо особо подчеркнуть, что диалектико-материалистический подход изначально предполагает отношение к практике в целом и судебной практике в частности как к явлениям сугубо объективного характера, не учитывая субъективистские предпочтения акторов практики, влияние сознания соответствующих лиц, осуществляющих юридически значимые действия, на формирование содержания судебной практики. Кроме того, на основании философских и социологических методов исследования во второй половине XX — начале XXI вв. можно говорить о том, что право — это социокультурное

явление, детерминированное отнюдь не только социально-экономическими, как утверждает марксизм, но и иными факторами социогуманитарного характера — культурными, религиозными, политическими и др.

В целом мы исходим из понятийно-категориального ряда, где во главе находится общенаучная категория практики, далее по степени обобщения можно выделить общественную (социальную в широком смысле) практику, затем правовую практику как разновидность общественной практики, правоприменительную практику как вид правовой, и наконец судебную практику как разновидность правовой практики.

Общественная практика как понятие обществоведения в целом и социологии в частности охватывает разнообразные стороны деятельности человека, связанные с удовлетворением интересов индивидов, социальных групп, общества в целом, а также с формированием и реализацией многочисленных социальных норм. В качестве разновидностей общественной практики можно обозначить политическую, культурную, экономическую, правовую и иные виды. Отметим, что в социологии социальная практика может рассматриваться и как инструмент, раскрывающий особенности широкого спектра социальных явлений и событий общественной жизни как разновидностей социальных практик (Schütz, 1932:128—131).

Как мы отметили выше, существует несколько вариантов понимания правовой практики. С нашей точки зрения, целесообразно солидаризироваться с комбинированной (синтетической, интегративной) точкой зрения, согласно которой правовая практика предстает как единство юридически значимой деятельности и накопленного, систематизированного по ее итогам опыта.

Юридическая практика выступает в качестве точки пересечения правотворчества, правореализации и правового поведения (как уровней правовой реальности (Skorobogatov & Krasnov, 2017b:58) на основе интерпретации норм права в форме, максимально близкой субъектам в контексте их ценностных ориентаций. Тем самым она отражает не только степень эффективности законодательства, но и его легитимность (Tonkov & Chestnov, 2019:296—306).

Характер юридической практики отражает уровень правовой культуры общества. С одной стороны, осуществление юридической практики показывает степень схожести интерпретации содержания и реализации норм права на различных уровнях правовой реальности (Leushin, 1987:104). С другой стороны, юридическая практика, особенно при ее открытости, способна сама влиять на ценностные ориентиры субъектов практики и формирование правовой культуры общества в целом (Zhinkin & Golovchenko, 2016:9).

Юридическая практика, как один из видов социальной практики (Kartashov, 2010:19), обусловлена другими видами этой практики и представляет собой специфичную форму правового взаимодействия (Panchenko, 2016:30), в ходе которой субъекты (как равные по статусу, так и имеющие иерархический характер в коммуникации) обмениваются не только правовой информацией, но и результатами правовой деятельности. Именно благодаря юридической практике накопленный социальный правовой опыт приобретает юридически значимую роль, влияя на интерпретацию поведения индивида на различных уровнях правовой реальности (Skorobogatov & Krasnov, 2017a:31—34).

Целью юридической практики является трансформация правовой реальности, детерминированная ценностными ориентациями субъектов практики. Однако при этом степень воздействия конкретного субъекта на правовую реальность зависит от его роли в правовой коммуникации (Vinokur, 2007:86). При горизонтальном характере коммуникации субъекты одновременно являются адресатом и адресантом и обладают равными правами и обязанностями и лишь обмениваются правовой информацией, включая ее ценностный компонент, определяющий их правовое поведение в дальнейшем. В случае иерархически построенной вертикальной коммуникации адресант способен навязывать адресату собственную систему правовых ценностей, независимо от того, происходит ли внутригрупповое правовое взаимодействие или межгрупповое (Habermas, 2003:48). Тем самым опосредуется характер деятельности субъекта в юридической практике, который прямо пропорционален ценностным ориентациям: чем больше уровень позитивного восприятия официальной системы права (выраженной в законодательстве), тем более бесконфликтен индивид при правовом взаимодействии не только с равными субъектами, но и представителями государства.

Судебная практика в советский период трактовалась в так называемых, обозначенных выше, широком и узком смыслах, причем последний вариант интерпретации ее содержания стал гораздо более распространенным. Как пишет профессор А.К. Безина, судебная практика в широком смысле рассматривалась как вся деятельность судебных органов разных звеньев по осуществлению правосудия, тогда как узкий смысл данного понятия предполагал отнесение к судебной практике только специфических тенденций применения тех или иных норм права (Bezina, 1971:11—12).

Даже в широкой трактовке правовой практики как деятельности по изданию юридических предписаний в единстве с накопленным опытом (Kartashov, 2010) заметно ограничение объема понятия правовой практики: ведь далеко не все виды правовой деятельности завершаются разработкой юридических предписаний. Однако исключать эти виды действий из содержания правовой практики, по нашему мнению, однозначных оснований нет, поскольку они предпринимаются в юридической сфере и могут привести к правовым последствиям.

Основной специфической чертой судебной практики в узком смысле считалось принятие не любых судебных актов, а только особых правоположений, в которых отражается смысл и содержание применяемых норм права, происходит их конкретизация и детализация (Bratus, Vengerov, 1975:9—10, 16—17). Также было высказано мнение о том, что такие правоположения должны вносить определенную новизну в правовое регулирование общественных отношений (Bezina, 2012:70, 72).

Содержание судебной практики

Необходимо учитывать, что влияние на развитие правовой реальности могут оказывать не только принятые судом документы, но и непосредственно действия лиц, вовлеченных в процесс судопроизводства, которые в этом случае также становятся элементом судебной практики. Однако при этом следует разграничивать понимание судебной практики в формально-юридическом смысле как системы юридических документов, издаваемых в процессе судебной деятельности,

и в процессуально-деятельностном смысле, как самих логико-интеллектуальных волевых действий по созданию актов и принятию судебных решений.

Исходя из того, что понятие судебной практики находится в едином понятийно-категориальном ряду с общенаучной категорией практики, понятием общественной, а также правовой практики, представляется недостаточно логичной сложившаяся традиция выделять некое собственное понятие судебной практики, охватывающей не все аспекты этого явления, а лишь наиболее важные, с точки зрения ученых, для дальнейшего развития правовой и судебной системы. Если общенаучная категория общественной практики охватывает разносторонние явления, то почему судебная практика не может включать в себя, к примеру, принятие исковых заявлений, вынесение определений о привлечении к делу в качестве свидетеля и многие другие юридически значимые действия суда? Конечно, такого рода действия не направлены на разрешение юридического дела по существу, однако, тем не менее, они связаны с применением соответствующих норм права. Кроме того, можно говорить о целой массе действий суда и участников судебного процесса, которые имеют определенную степень юридической значимости. В целом вообще можно говорить о разных элементах деятельности, охватываемой судебной практикой — логико-интеллектуальных, организационных, формально-документальных, чисто деятельностных. Все они, так или иначе, имеют прямое отношение к деятельности суда по рассмотрению и разрешению юридических дел. Указанные нами элементы судебной практики нельзя рассматривать исключительно как ее формы. Форма, исходя из диалектико-материалистической парадигмы, представляет собой способ организации содержания, тогда как деятельностные и логико-интеллектуальные элементы практики не организуют содержание, а являются проявлениями его сущностных сторон. Дальнейшее исследование судебной практики только в узком смысле, в плане выработки лишь правоположений специфического характера, закрывает простор для исследования множества других сторон судебной практики — таких, как правовая коммуникация, вопросы организации судебных слушаний, логико-интеллектуальная деятельность судейского корпуса и др.

Кроме того, следует согласиться с утверждением А.К. Безиной об отсутствии в понятии судебной практикой в узком смысле отражения основной цели судебной практики, а именно осуществления судебными органами правосудия путем разрешения соответствующих дел (Bezina, 2012:73). Не говоря уже о том, что отнесение тех или иных формулировок, выводов суда к правоположениям, как показывает анализ достижений отечественного правоведения, выглядит достаточно субъективно и единство во мнениях по этому вопросу выглядит недостижимым: ведь правоположения могут охватывать как выводы и предписания суда по конкретному делу, так и правоинтерпретационные суждения, которые, как известно, в рамках судебных актов высших судебных инстанций обретают общее значение, будучи сформулированными не по конкретному делу. Что касается выводов Конституционного Суда РФ по делам о соответствии нормативных правовых актов Конституции РФ, то они также обретают общее значение в соответствии с содержанием норм ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»¹.

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994. № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.

Неясным нам представляется и решение вопроса о том, насколько такие положения можно именовать правовыми. В плане принадлежности к решению правовых вопросов это допустимо. Однако, как известно, в некоторых концепциях правопонимания выводы судов как индивидуального, так и общего характера могут быть отнесены к неправу (Ershov, 2018:86—87).

Правоположения, с нашей точки зрения, находятся в одном смысловом ряду с целым рядом понятий. В первую очередь, по смыслу им близка так называемая правовая позиция, которая упоминалась и упоминается в ряде статей ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (ст. 29, 73, 79), редакции которых со временем претерпевали изменения. Мнения, высказанные в научной литературе по поводу содержания понятия правовой позиции, настолько разнообразны, что их исследование в рамках данной работы не представляется возможным. Отметим лишь наиболее характерные варианты ее понимания: итоговые выводы и приводимая судом аргументация (Luchin & Doronina, 1998:40); общие и обязательные нормативно-интерпретационные установления (Lazarev, 2003:74); отношение суда к правовым проблемам, результат аргументов и выводов, образующих интеллектуально-юридическое содержание судебного решения (Anishina, 2000:11); система правовых аргументов, образец (правило) прецедентного характера, общие правовые ориентиры (Gadzhiev & Pepelyaev, 1998:56).

Этот правовой феномен по сути обозначает близкие или совпадающие между собой правовые явления, суть которых состоит в сформулированных судом суждениях по поводу толкования и (или) применения норм права, достаточным образом аргументированных и либо направленных на разрешение конкретного юридического дела (с попутным казуальным толкованием действующих правовых норм или без того), либо указывающих наиболее эффективный путь применения норм права по неограниченной категории дел (в случае с постановлениями и определениями КС РФ по поводу соответствия или несоответствия нормативных правовых актов Конституции РФ, постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и бывшего Высшего Арбитражного Суда РФ, обзорами Президиумов судов).

Судебная практика как средство трансформации правовой реальности

В советский период развития отечественной юридической науки главенствующую роль в методологии занимал, бесспорно, формально-догматический анализ в русле позитивистского правопонимания, в определенном сочетании с материалистической диалектикой. На данном этапе развития социальных и гуманитарных наук можно говорить о все большем проникновении в российскую юриспруденцию постклассических методов исследования, которые позволяют принципиально по-другому взглянуть на известные явления, в том числе судебную практику. В частности, это феноменологическая и аксиологическая методология.

Как правовой феномен судебная практика характеризуется органическим триединством познания, деятельности и результата. Взаимодополняемость и взаимообусловленность этих аспектов придает ей одновременно завершенность и дихотомизм. С одной стороны, судебная практика выступает в процессуальной роли и включает в себя деятельность судебных органов, связанную

с рассмотрением и разрешением различных юридических дел. С другой стороны, материально она выступает выраженной в разнообразных формах вербализацией накопленного правового опыта указанной деятельности. При этом судебная практика может выступать в качестве формы права, а не источника права (Watson, 1984:90).

С нашей точки зрения, можно обозначить основные направления воздействия судебной практики на правовую реальность:

1. Судебная практика влияет на формирование единых правил толкования, реализации юридических норм и формулирования на этой базе соответствующих решений в однотипных фактических ситуациях, т. е. обеспечивает единообразный подход к обеспечению правосудия и законности (Nersesyants, 1997:36), с целью восстановления бесконфликтного социального сосуществования и гармонизации правовой реальности.

2. В процессе судебной практики индивидуализируются, а также фактически конкретизируются юридические нормы применительно к конкретным жизненным обстоятельствам (Vlasenko & Zaloilo, 2016:55). Тем самым происходит сближение правотворческого уровня правовой реальности с правовым поведением.

3. Судебная практика на основе единого доктринального подхода к интерпретации юридических норм формирует единообразное понимание правовых предписаний всеми субъектами права, которое должно обеспечивать повышение определенности содержания норм права и корреляцию обыденного, профессионального и доктринального правопонимания (Averin, 2008:36). В конечном итоге это обеспечивает единство судебных решений с социальными ожиданиями, т. е. гарантирует эффективность и легитимность законодательства и юридической практики.

4. Судебная практика способствует преодолению (по факту — восполнению) пробелов и устранению коллизий в правовом регулировании (Guk, 2017:134). Благодаря обобщениям Пленумом Верховного Суда РФ правоположений (позиций), выработанных судами, решения по отдельным вопросам, связанным с разрешением коллизий и преодолением пробелов, приобретают общий характер. Таким образом, происходит действие обратной связи между нормативным и индивидуальным регулированием, определенный круговорот судебной практики: от выработки правоположений на основе норм права в процессе судебной практики через их обобщение Верховным Судом РФ к совершенствованию законодательства посредством использования права законодательной инициативы и применению обобщенных результатов в новой судебной практике.

5. Судебная практика в определенном сегменте фактически формирует новые модели поведения субъектов права (Golovaty, 2016:28) при условии, что законодательство не содержит соответствующего указания и оставляет пространство для маневра (Vorulenkov, 2014:126). Однако данные модели будут иметь юридическое значение только в ситуации неоднократного применения при разрешении схожих спорных ситуаций (Zander, 2007:75). Это касается применения судами низших инстанций положений, сформулированных в Постановлениях Конституционного Суда РФ, Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, обзорах Президиума данного суда.

Применяя нормы официального (позитивного) права, судебная практика обеспечивает требуемое государством единообразное поведение субъектов права, одновременно обеспечивая правопорядок и безопасность граждан, включая удовлетворение их социальных и индивидуальных интересов (Griffiths, 2016:159). Благодаря этому судебную практику следует интерпретировать в трех взаимосвязанных контекстах: государственном, социальном и психологическом. Хотя в современной правовой реальности России господствует государственный контекст, закрепленные в Конституции РФ² и национальной правовой традиции, ценности обеспечивают учет и двух других контекстов, что характерно для транзитивных обществ (Solomon & Foglesong, 2018:20). Это выражается, с одной стороны, в защите прав и законных интересов субъектов права, а с другой — в создании и поддержании образа правопорядка, максимально соответствующего социальным и групповым интересам российских граждан (Kasumov, 2008:41). Судебная практика, выступая формой осуществления правосудия (Thomas, 2005:267) в интересах государства, одновременно позволяет человеку реализовать его право на судебную защиту и обеспечить свою безопасность.

В то же время традиционная этатистски-патерналистская правовая культура российского общества обуславливает крайне специфическое восприятие судебной практики в обществе. Поскольку осуществление правосудия является исключительно государственной функцией, судебная практика и лица, ее осуществляющие, воспринимаются в качестве проводников государственной воли как адресатами правовой коммуникации, так и ее адресантами. С этим связано повышенное внимание к соблюдению не только юридических, но и этических правил, а также визуальное формирование образа справедливого правосудия, которое от имени и по поручению государства стоит на защите конституционных ценностей. Как следствие, правовая культура лиц, осуществляющих судебную практику, предполагает не только соблюдение принципов и норм права и судейской этики, но и выполнение определенного ритуала, связанного с особым устройством помещения (Walenta, 2019:7), наличием определенной символики (Vlasova, 2007:72) и определенным порядком действий (Starodumov, 2017:126). Социальное восприятие судебной практики зачастую связано не столько с ее реальными результатами, сколько с символическим образом (Coskun, 2007:188). При этом корреляция реальных и ожидаемых результатов судебной практики определяет ее легитимность (Mack & Anleu, 2010:169—170).

В антропологическом контексте целью судебной практики является синтез правового регулирования общественных отношений с интересами человека. Судебная практика должна активно влиять на правосознание и правовую культуру лиц, участвующих в судебном процессе. Речь при этом идет не только о непосредственных участниках судебного действия (судьях, сторонах, присяжных), но и тех, кто выступает в данном случае в качестве зрителей, наблюдателей, т. е. не принимает непосредственного участия в судебной коммуникации. Их восприятие судебной практики носит образный, несистемный характер и

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

зависит от степени соответствия происходящего действия и принятого решения их ожиданиям, т. е. в широком смысле речь идет о корреляции основанного на юридических нормах правоприменения и отраженной в правовой ментальности традиции. Эта зависимость носит прямо пропорциональный характер и определяет не только легитимность правосудия и системы законодательства, но и эффективность правового регулирования в целом (Polyakov, Denisenko & Belyaev, 2017:69—91).

Телеологически цель судебной практики не ограничивается лишь поддержанием правопорядка. Речь идет о целенаправленном конструировании новой правовой реальности. Однако целеполагание носит не прямой, а фрактальный характер. Отдельные акты судов первой инстанции призваны трансформировать уровень правореализации и правового поведения с целью приведения их в соответствие с уровнем правотворчества. В тоже время акты высших судов, выступая не только в интерпретативной, но и квазиправообразовательной роли, способны оказывать воздействие и на уровень правотворчества и даже правопонимание. Анализ содержания этих актов и позволяет сформулировать фрактальная цель судебной практики в правовой реальности конкретного хронотопа. Применительно к современной России фрактальную цель судебной практики состоит в конструировании единообразного отношения к правовой и государственной политике на всех уровнях правовой реальности.

Выводы

Судебная практика, по нашему мнению, представляет собой деятельность судебных органов по осуществлению правосудия, совершаемая на основании законодательно закрепленной компетенции и полномочий, взятая в различных срезах — деятельностном, организационном, логико-интеллектуальном, формально-юридическом, в сочетании с соответствующими обобщениями опыта такой деятельности. В фокусе внимания ученых, обратим на это внимание, зачастую оказываются не все проявления судебной практики, а наиболее важные для развития самой судебной практики и правовой системы страны в целом выводы и мнения (правоположения, позиции) судов об истинном понимании норм права, а также наиболее эффективных путей их применения с учетом сложившейся на данном историческом этапе ситуации в обществе (в функциональном смысле).

Несмотря на высокую степень значимости правоположений (позиций судов), тем не менее, ограничивать всю судебную практику только ими, как мы указали выше, нецелесообразно с разных точек зрения. Правоположения (позиции судов) являются лишь квинтэссенцией, наиболее содержательной и важной выжимкой из всего спектра деятельности по отправлению правосудия.

Благодаря судебной практике и вырабатываемым ею обобщениям работает система обратной связи между нормативным и индивидуальным регулированием отношений: принятие решений судами и последующее обобщение такой практики приводит к формулированию позиций судов по наиболее оптимальному толкованию и реализации норм, что в конечном счете способствует совершенствованию законодательства благодаря использованию права законодательной инициативы высшими судами РФ.

Как форма осуществления правосудия судебная практика имеет целью обеспечение правопорядка, режима законности и безопасности субъектов права, восстановление бесконфликтного социального сосуществования, а в конечном счете, единообразное отношение к правовой и государственной политике, осуществляемой судом на всех уровнях правовой реальности. Именно судебная практика в наибольшей степени способна гармонизировать правовую реальность, обеспечить единство ценностных ориентаций субъектов правовой коммуникации независимо от их правового статуса и выполняемой ими социальной роли.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (2009) *General theory of law: textbook*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2009. 576 с.
- Anishina, V. (2000) Legal positions of the Constitutional Court of Russia. *Russian justice*. (7), 11—12. (in Russian).
Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2000. № 7. С.11—12.
- Averin, A.V. (2008) Legal understanding and legal practice. *Leningrad legal journal*. 4 (14), 19—36. (in Russian).
Аверин А.В. Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4(14). С. 19—36.
- Bacon, F. (1978) *New Organon*. Works in two Vols. 2nd ed., Rev. and add. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения в двух томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 575 с.
- Berger, P.L. & Luckmann, T. (1991) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N.Y., Penguin Books.
- Bezina, A.K. (1971) *Judicial practice and the development of Soviet labor legislation*. Kazan, KSU Publishing House. (in Russian).
Безина А.К. Судебная практика и развитие советского трудового законодательства. Казань: Изд-во КГУ, 1971. 131 с.
- Bezina, A.K. (1989) *Judicial practice in the mechanism of legal regulation of labor relations*. Selected works in 5 Vols. Vol. 2. Kazan, KSU Publishing House. (in Russian).
Безина А.К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений. Избранное в 5-ти т. Т. 2. Казань: Изд-во КГУ, 1989. 183 с.
- Borulenkov, Yu.P. (2014) Legal knowledge and discretion of the law enforcement officer. *Criminalist Library. Science Magazine*. 5 (16), 123—128. (in Russian).
Боруленков Ю.П. Юридическое познание и усмотрение правоприменителя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 123—128.
- Boshno, S.V. (2005) *Form of law: theoretical and legal research*. Diss ... doctor Legal of sciences. Moscow. (in Russian).
Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 440 с.
- Bratus, S.N. & Vengerov, A.B. (eds.) (1975) *Judicial practice in the Soviet legal system*. Moscow, Legal literature Publ. (in Russian).
Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров. М.: Юридическая литература, 1975. 328 с.
- Chestnov, I.L. (2012) Legal practice from the standpoint of postclassical methodology. *Social sciences and modernity*. (5), 164—168. (in Russian).
Честнов И.Л. Юридическая практика с позиций постклассической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 164—168.

- Coskun, D. (2007) *Law as symbolic Form: Ernst Cassirer and the Anthropocentric View of Law*. Dordrecht, Springer.
- De Somer, M. (2019) *Precedents and Judicial Politics in EU Immigration Law*. Palgrave Macmillan, Cham.
- Descartes, R. (1994) Conversation with Burman. In: *Works in two vols*. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ. pp. 447—488. (in Russian).
Декарт Р. Беседа с Бурманом // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 447—488.
- Duryagin, I.Ya. (1973) *Application of the norms of Soviet law*. Sverdlovsk, Middle-Ural book Publ. (in Russian).
Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск: Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1973. 248 с.
- Gadzhev, G.A. & Pepelyaev, S.G. (1998) *Entrepreneur — taxpayer — state: Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation*. Moscow, FBK-PRESS Publ. (in Russian).
Гаджиев Г.А., Пенелаяев С.Г. Предприниматель — налогоплательщик — государство: Правовые позиции Конституционного Суда РФ. М.: ФБК-ПРЕСС, 1998. 592 с.
- Golovaty, V.Ya. (2016) Judicial practice: general theoretical characteristics. *Legea si viata*. May, 25—29. (in Russian).
Головатый В.Я. Судебная практика: общетеоретическая характеристика // *Legea si viata*. 2016. Mai. С. 25—29.
- Grevtsov, Yu.I. & Kozlikhin, I.Yu. (2008) *Encyclopedia of Law: a tutorial*. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of Saint Petersburg University. (in Russian).
Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права: учебное пособие. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского университета, 2008. 772 с.
- Griffiths, J. (2016) The general theory of litigation: a first step. *Zeitschrift für Rechtssoziologie. The German Journal of Law and Society*. 4 (2), 145—201.
- Gritsanov, A.A. (2002) Nicomachean Ethics. In: *History of Philosophy: Encyclopedia*. Minsk, Interpressservice Publ. (in Russian).
Грицанов А.А. Никомахова этика // История философии: энциклопедия. Минск: Интерпрессервис, 2002. 1376 с.
- Guk, P.A. (2012) *Judicial practice as a form of judicial rule-making in the legal system of Russia: general theoretical analysis*. Abstract Diss ... doctor Legal of sciences. Moscow. (in Russian).
Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 49 с.
- Guk, P.A. (2017) Overcoming conflicts of legislative acts by judicial authorities: theory, technique, practice. *Legal technique*. (11), 132—134. (in Russian).
Гук П.А. Преодоление коллизий законодательных актов судебными органами: теория, техника, практика // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 132—134.
- Habermas, J. (2003) *The Theory of Communicative Action: Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. Boston, Beacon Press.
- Hegel, G.V. F. (1972) *Science of logic*. Vol. 3. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.
- Hellman, D. (2013) An Epistemic Defense of Precedent. In: Peters, Ch.J. (eds.). *Precedent in the United States Supreme Court*. Dordrecht, Springer. pp. 63—76.
- Ershov, V.V. (2018) *Legal and individual regulation of public relations*. Moscow, RGUP Publ. (in Russian).
Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 628 с.
- Ershov, V.V. (2020) Law in the Context of the Metamodern Paradigm. *Justice*. 2 (1), 99—114.

- Kant, I. (1965) Critique of Practical Reason. In: *Works in six vols*. Vol. 4. Part 1. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Кант И. Критика практического разума // Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.
- Kartashov, V.N. (2010) Legal practice as an object (subject) of legal science. *Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*. 1 (12), 13—23. (in Russian).
Карташов В.Н. Юридическая практика как как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 13—23.
- Kasumov, T.K. (2008) Sociology of Justice: Issues of Methodology and Foresight. *SOTIS — Social Research Technologies*. (5), 26—42. (in Russian).
Касумов Т.К. Социология правосудия: вопросы методологии и предвидения // СОТИС — Социальные технологии исследования. 2008. № 5. С. 26—42.
- Khabrieva, T.Ya. & Lazarev, V.V. (eds.) (2017) *Judicial practice in the modern legal system of Russia*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., Norma Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).
 Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА М, 2017. 432 с.
- Kokhanovsky, V.P. (ed.) (1996) *Modern philosophy: dictionary and reader*. Rostov-na-Don, Phoenix Publ. (in Russian).
 Современная философия: словарь и хрестоматия / отв. ред. В.П. Кохановский. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. 512 с.
- Krawietz, W. (2008) Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive. In: Brugger W., Neumann U., Kirste S. (eds.). *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp. pp. 181—206. (in Germany).
- Lazarev, V.V. (2003) *Legal positions of the Constitutional Court of Russia*. Moscow, Gorodets, Formula Prava Publ. (in Russian).
Лазарев В.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец, Формула права, 2003. 528 с.
- Leushin, V.I. (1987) *Legal practice in the system of socialist social relations*. Krasnoyarsk, Publishing House University of Krasnoyarsk. (in Russian).
Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / науч. ред.: Алексеев С.С. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 152 с.
- Luchin, V.O. & Doronina, O.N. (1998) *Citizens' complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation*. Moscow, Law and Law UNITI Publ. (in Russian).
Лучин В.О., Доронина О.Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М.: Закон и право ЮНИТИ, 1998. 260 с.
- MacCormick, D.N., Summers R.S. & Goodhart, A.L. (eds.) (1997) *Interpreting Precedents: A Comparative Study*. N.Y., Routledge.
- Mack, K. & Anleu, S.R. (2010) Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy. *Law & Social Inquiry*. 35 (1), 137—173.
- Marchenko, M.N. (2009) *Judicial lawmaking and judicial law*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2009. 510 с.
- Minnikes, I.A. (2009) *Individual legal regulation (theoretical and legal analysis)*. Abstract Diss ... doctor Legal of sciences. Ekaterinburg. (in Russian).
Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 54 с.
- Mitskevich, A.V. (ed.) (1974) *Lawmaking in the USSR*. Moscow, Legal Literature Publ. (in Russian).
 Правотворчество в СССР / под ред. А.В. Мицкевича. М.: Юридическая литература, 1974. 319 с.

- Nersesyants, V.S. (1997) The court does not legislate and does not manage, but applies the law (on the law enforcement nature of judicial acts). In: Topornin B.N. (ed.). *Judicial practice as a source of law*. Moscow, IGP RAS Publ. pp. 34—42. (in Russian).
Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о право-применительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: ИГП РАН, 1997. С. 34—42.
- Panchenko, V.Yu. (2016) *Legal interaction as a type of social interaction*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: монография. М.: Проспект, 2016. 232 с.
- Polyakov, A.V., Denisenko, V.V. & Belyaev, M.A. (eds.) (2017) *The effectiveness of legal regulation*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Эффективность правового регулирования: монография / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М.: Проспект, 2017. 240 с.
- Schütz, A. (1932) *Der Sinnhafte Aufbau der Sozialen Welt: Eine Einleitung in die Verstehende Soziologie*. Springer-Verlag, Wien. (in Germany)
- Skorobogatov, A.V. & Krasnov, A.V. (2017a) Legal behavior as a phenomenon of legal reality. *Legal culture*. 1 (28), 25—35. (in Russian).
Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовое поведение как феномен правовой реальности // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25—35.
- Skorobogatov, A.V. & Krasnov, A.V. (2017b) Legal reality of Russia: concept and structure. *History of state and law*. (7), 54—58. (in Russian).
Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54—58.
- Solomon, P.H., Jr. & Foglesong, T.S. (2018) *Courts and Transition in Russia: The Challenge of Judicial Reform*. N.Y., Routledge.
- Starodumov, S.V. (2017) Judicial actions as an independent type of procedural actions. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 27 (6), 123—127. (in Russian).
Стародумов С.В. Судебные действия как самостоятельный вид процессуальных действий // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и права. 2017. Т. 27. Вып. 6. С. 123—127.
- Thirlway, H. (2019) *The Sources of International Law*. 2th ed. Oxford, Oxford University Press.
- Thomas, E.W. (2005) *The Judicial Process: Realism, Pragmatism, Practical Reasoning and Principles*. N.Y., Cambridge University Press.
- Tonkov, E.N. & Chestnov, I.L. (eds.) (2019) *Legitimacy of law*. Saint Petersburg, Aleteya Publ. (in Russian).
Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019. 497 с.
- Vatin, I.V., Davidovich, V.E. & Drach, G.V. (1997) *Philosophy: textbook for universities*. Rostov-na-Don, Phoenix Publ. (in Russian).
Философия: учебник для вузов / Ватин И.В., Давидович В.Е., Драч Г.В. и др. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. 574 с.
- Vilnyansky, S.I. (1958) *Lectures on Soviet civil law*. Vol. 1. Kharkov, Publishing House University of Kharkov. (in Russian).
Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 339 с.
- Vinokur, T.G. (2007) *Speaker and Listener. Variants of behavior*. Moscow, URSS Publ. (in Russian).
Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты поведения. М.: URSS, 2007. 172 с.
- Vlasenko, N.A. & Zaloilo, M.V. (2016) Concretization and Interpretation of Law as the Creative Content of Judicial Practice. *Journal of Russian Law*. 08 (236), 43—57. Doi: 10.12737/20902. (in Russian).

- Власенко Н.А., Залоило М.В.* Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 08 (236). С. 43—57. Doi: 10.12737/20902
- Vlasova, G.B. (2007) Symbols and rituals as cultural characteristics of the trial. *Philosophy of law*. 2 (21), 69—73. (in Russian).
- Власова Г.Б.* Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса // Философия права. 2007. № 2 (21). С. 69—73.
- Walenta, J. (2019) Courtroom Ethnography: researching the intersection of law, space, and everyday practices. *The Professional Geographer*. 72 (1), 1—8.
- Watson, A. (1984) *Sources of Law, Legal Change, and Ambiguity*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Wesley-Smith, P. (1996) *The Sources of Hong Kong Law*. Hong Kong, Hong Kong University Press.
- Zander, M. (2007) *Cases and Materials on the English Legal System*. (10th ed.). N.Y., Cambridge University Press.
- Zhinkin, S.A. & Golovchenko, G.A. (2016) Value aspects of the strategy of forming the legal culture of the individual. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1 (31), 8—10. (in Russian).
- Жинкин С.А., Головченко Г.А.* Ценностные аспекты стратегии формирования правовой культуры личности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 8—10.

Об авторах:

Скоробогатов Андрей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

ORCID ID: 0000-0001-9139-5367; Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия; Российская Федерация, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а

ORCID ID: 0000-0002-9934-4975

e-mail: field08@mail.ru

About the authors:

Andrey V. Skorobogatov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova (IEML); 42 Moscow str., Kazan, 420111, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Alexandr V. Krasnov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of the Law and State, Kazan branch of the Russian State University of Justice; 7a 2nd Azinskaya str., Kazan, 420088, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9934-4975

e-mail: field08@mail.ru